

12+

ТАНС АНДЕРСЕН

Картинки
Швеции

ПЕРЕВОД АЛЕКСЕЯ КОЗЛОВА

Ганс Христиан Андерсен

Картинки Швеции.

Перевод Алексея Козлова

«Издательские решения»

Андерсен Г.

Картинки Швеции. Перевод Алексея Козлова / Г. Андерсен —
«Издательские решения»,

«Картинки Швеции» — путевые заметки датского писателя Ханса Кристиана Андерсена, написанные в 1851 году. Поэтическое описание красот природы перемежается воистину сказочными историями в духе классических фантазий Андерсена.

Содержание

Вступление	6
Трольхетта	7
Птица Феникс	11
Киннакулла	12
Бабушка	14
Тюремные застенки	15
Мальчишки-попрошайки	16
Вадстене	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Картинки Швеции

Перевод Алексея Козлова

Ганс Андерсен

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Ганс Андерсен, 2026

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2026

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-4183-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Мы путешествуем.

Чудесная весна: птицы щебечут, а вы понимаете их песни? Что ж, послушайте одну из них в вольном переводе.

«Садись мне на спину, — говорит Аист, священная птица нашего зелёного острова, — и я перенесу тебя через пролив. В Швеции тоже есть свежие и благоухающие буковые рощи, зелёные луга и кукурузные поля. В Сконе, где за крестьянским домом растут цветущие яблони, вам покажется, что вы пока что в Дании.»

«Полетим со мной, — говорит Ласточка, — я пролечу над горным хребтом в Голландии, где перестают расти буки; я лечу дальше на север, чем аист. Ты увидишь, как плодородная почва сменяется каменистой; увидишь уютные, аккуратные городки, старинные церкви и особняки, где все хорошо и спокойно, где семья собирается за столом и читает молитву перед едой, где даже самый маленький ребенок молится и поет псалмы утром и вечером. Я всё это слышала и видела, когда была совсем маленькой, из своего гнезда под карнизом.»

«Летим со мной! Летим со мной!» — кричит неугомонная Чайка и кружит в ожидании, — Летим со мной на Шхерные острова, где тысячи скалистых вершин с елями и соснами раскинулись вдоль побережья, словно клумбы; и рыбаки тянут полные сети!».

«Отдохни под нашими гордыми крыльями! — поют дикие лебеди, — Мы отнесём тебя к великим озёрам, к вечно бурлящим эльфам — рекам, что несутся быстрее стрел; туда, где давно нет дубовых лесов, а берёзы низкорослы, как карлики. Отдохни под нашими распростёртыми крыльями: мы летим к Сулительме, «глазу острова», как называют эту гору; мы летим из весенней зелёной долины над снежными сугробами к вершине горы, откуда видно Северное море по ту сторону Норвегии.

«Мы летим в Емтланд, где высокие скалистые горы отливают синевой; где шумит и бурлит Фосс; где зажжены факелы, чтобы возвестить о прибытии паромщика. К глубоким, холодным водам, где летнее Солнце не заходит за горизонт; где вечерняя заря окрашена в утренний розовый цвет.

Это песня птиц! Взволнует ли она нас? Примем ли мы её близко к сердцу? Бросимся ли мы вслед за ними? Последуем ли мы за ними хотя бы в мечтах?

Мы не будем сидеть на спине аиста или между лебедиными крыльями. Мы двинемся в путь на парохе и на лошадях — да, и на своих двоих тоже, время от времени отвлекаясь от реальности и заглядывая через ограду в область мечты, которая всегда была нашей ближайшей соседкой. Сорвём цветок или лист, чтобы положить их в записную книжку, — пусть они распустились во время нашего путешествия. Мы летим и поём.

Швеция, славная страна! Швеция, куда в древние времена священные боги спустились с азиатских гор! Страна, которая до сих пор хранит отблески их сияния, струящегося от цветов с именем «Линней», от знамени Карла XII, озаряющего твоих рыцарей, от обелиска на поле битвы при Лютцене! Швеция, страна глубоких чувств и проникновенных песен! Родина прозрачных эльфов, где дикие лебеди поют в свете северного сияния! Ты, земля, на чьих глубоких, тихих озерах скандинавская фея возводит свои колоннады и ведёт свое воинство теней по ледяному зеркалу! Славная Швеция! С твоим благоухающим Линнеем, с живительными песнями Дженни! К тебе мы полетим вместе с аистом и ласточкой, с неугомонной чайкой и дикими лебедями. Твои берёзовые рощи источают освежающий аромат под своими стройными, склонившимися ветвями; на белом стволе дерева будет висеть арфа, и в ней будет насвистывать летний ветер Севера!

Трольхетта

Кого мы встретили в Трольхетте? Это удивительная история, и мы вам её расскажем. Мы высадились у первого шлюза и словно очутились в саду, разбитом в английском стиле. Широкие дорожки посыпаны гравием и поднимаются короткими террасами между залитыми Солнцем зелёными лужайками. Здесь очаровательно, восхитительно, но совсем не помпезно. Если вы хотите испытать подобные чувства, поднимитесь чуть выше, к более старым шлюзам, которые глубоко узкими горловинами врезались в твердую скалу. Поток здесь великолепен, а вода в его тёмном русле далеко внизу бурлит и пенится. Отсюда открывается вид и на Эльв, и на долину; противоположный берег реки, поросший зелёными холмами, усеян лиственными рощами и деревянными домиками, выкрашенными в красный цвет, все они окружены скалами и сосновыми лесами. Пароходы и парусные суда поднимаются по шлюзам; сама вода, словно дух-помощник, должна помочь им преодолеть скалистый участок, и она шумит, грохочет и бурлит в самом лесу. Грохот водопада Трольхеттен смешивается с шумом лесопилок и кузниц.

«Через три часа мы пройдем шлюзы, — сказал капитан, — и за это время вы увидите водопад. Встретимся в здешней гостинице».

Мы сошли с тропы и углубились в лес. Нас окружила целая стайка мальчишек с непокрытыми головами. Все они вызвались быть нашими проводниками; один кричал громче другого, и каждый по-своему объяснял, как высоко поднялась вода и как высоко она не поднялась и не могла подняться. Среди учёных тоже не было единого мнения.

Вскоре мы остановились на поросшей вереском скале, на головокружительной террасе. Перед нами, но гораздо ниже, бурлила вода, это был Адский водопад, а за ним, водопад за водопадом, текла полноводная, стремительная, бурная река — исток самого большого озера в Швеции. Какое зрелище! Какая пена и грохот — сверху и снизу! Это похоже на морские валы, нет, на бурлящее шампанское, на кипящее молоко. Вода огибает два скалистых островка наверху, и брызги взлетают, как роса на лугу. Внизу вода сжимается, устремляется вниз, несется вперед и возвращается по кругу, как спокойная водная гладь, а затем обрушивается в Адский водопад, словно морской прилив. Какая буря бушует в глубине — какое зрелище! Словами этого не передать!

Не могли этого сделать и наши крикливые маленькие проводники. Они стояли молча, а когда снова начали что-то объяснять и рассказывать, то не успели далеко уйти, потому что пожилой джентльмен, которого никто из нас не заметил (но теперь он был среди нас), перекричал шум своим необыкновенно звучным голосом. Он знал все подробности об этом месте и о том, что здесь происходило в прежние времена, как будто это было вчера.

«Здесь, на скалистых островках, — сказал он, — в языческие времена, как их называют, воины решали свои споры. В этих краях жил воин Стёркоддер, и ему очень нравилась красавица Огн, но она была влюблена в Хергриммера, и поэтому Стёркоддер вызвал его на поединок у водопада, где тот и встретил свою смерть. Огн бросилась к нему, схватила окровавленный меч своего жениха и вонзила его себе в сердце. Так Стёркоддер не добился своего. Прошло сто лет, потом ещё сто лет. Леса тогда были густыми и непроходимыми, волки и медведи бродили здесь и летом, и зимой, и это место кишело жестокими разбойниками, чьего убежища никто не мог найти. Их пещера была вон там, у водопада перед островом Топ, на норвежской стороне. Теперь она обрушилась! Над ней нависает скала!».

«Да, это скала Тейлора!» — закричали все мальчишки, — Она обрушилась в 1755 году!»

«Упала!» — сказал старик, словно удивляясь, что кто-то, кроме него, мог об этом знать, — Всё когда-нибудь упадёт, всё обрушится, и портной не станет исключением!».

Разбойники посадили его на скалу и потребовали, чтобы он отработал выкуп за своё освобождение, сшив там, наверху, костюм. Он попытался, но при первом же стежке, когда он

вытягивал нитку, у него закружилась голова, и он упал в бурлящий поток. С тех пор скала получила название «Портняжья».

Однажды разбойники поймали девушку, и она их выдала, потому что разожгла в пещере костёр. Дым был замечен, пещеры обнаружили, а разбойников схватили и казнили. Это место снаружи называется «Воровской провал», а внизу, под водой, есть ещё одна пещера, в которую устремляется эльф и возвращается, кипя от злости. Это хорошо видно и слышно, но лучше всего слышно под чердаком Бергмана.

И мы всё шли и шли вдоль водопада к Верхнему острову по ровным дорожкам, усыпанным опилками, к шлюзу Полхэма. В скале была проделана расщелина для первого шлюза, который так и не был достроен, но благодаря ему был создан самый впечатляющий из всех водопадов Тролльхеттенского озера: стремительный поток воды падает здесь отвесно в черную бездну.

Скалистый берег соединён с Верхним островом лёгким железным мостиком, который кажется перекинутым через пропасть. Мы ступаем на раскачивающийся мостик над бурлящим потоком и оказываемся на маленьком скалистом островке среди елей и сосен, растущих в расщелинах. Перед нами простирается море, покрытое волнами, которые разбиваются о каменную глыбу, на которой мы стоим, обдавая нас мелкими брызгами. Поток устремляется в обе стороны, словно выпущенный из гигантской пушки, и мы видим один водопад за другим. Мы смотрим на них и наслаждаемся гармоничным звуком, который не менялся с незапамятных времён.

«Никто никогда не доберётся до того острова!» — сказал один из нас, указывая на большой остров над самым верхним водопадом.

«Но я знаю одного человека!» — сказал старик и кивнул с загадочной улыбкой.

«Да, мой дед мог! — сказал один из мальчиков, — За последние сто лет почти никто, кроме него, не переходил этот мост. Крест, который там стоит, установил мой дед. Зима была суровая, всё озеро Венерн замёрзло, лёд перекрыл сток, и на многие часы дно стало сухим. Дед рассказывал об этом: он перебрался на ту сторону с двумя товарищами, поставил крест и вернулся. Но тут раздался такой грохот и треск, будто пушки палили. Лёд раскололся, и эльфы побежали по полям и лесам. Это правда, каждое моё слово — правда!»

Один из путешественников процитировал Тегнера:

«Дикие Гёты вырвались из Фьяллена, а домовые тролли — из своих чертогов! Но пришёл Снежок и разрушил чертоги, а кораблики в них утопил!»

«Бедный горный дух, — продолжил он, — твоя сила и слава угасают! Человек летит над тобой — ты можешь пойти и поучиться у него». Болтливый старик скорчил гримасу и что-то пробормотал себе под нос, но мы как раз подошли к мосту перед гостиницей.

Пароход проскользнул в проём, все поспешили подняться на борт, и он тут же устремился вверх по течению, словно никакого водопада и не было.

«И это возможно!» — воскликнул старик. Он ничего не смыслил в пароходах, никогда до этого дня не видел ничего подобного, и потому то поднимался на палубу, то спускался вниз, то стоял у машин, то разглядывал всю конструкцию, словно пересчитывал все болты и винты. Протяжённость канала была для него чем-то совершенно новым, план канала и путеводители были ему совершенно незнакомы: он вертел их в руках, вертел и вертел — не думаю, что он умел читать. Но он знал все подробности этой местности — то есть знал их с давних времен.

Я слышал, что он не спал всю ночь. Он следил за движением парохода, и когда утром мы поднимались по шлюзовым террасам от озера Венерн, все выше и выше, от озера к озеру, по высокогорной равнине — всё выше и выше, — он был так возбуждён, что казалось, будто сильнее уже быть не может, — и вот мы добрались до Муталы.

Шведский писатель Тьернерос рассказывает, что в детстве он однажды спросил, что это за звук, который раздаётся в часах, и ему ответили, что это тиканье сердца злого тролля. То,

что заставляло сердце ребенка учащенно биться, а волосы на голове вставать дыбом, действовало и на старика из Тролльхеттана в Мутале. Теперь мы прошли через огромную фабрику в Мутале. То, что тикает в часах, здесь отбивает сильные удары молота. Это Железный Тролль, который впитал в себя человеческую мысль и благодаря ей обрел конечности из металла, камня и дерева; это Бескровный монстр, который благодаря человеческой мысли обрёл силу, которой нет у самого человека.

В Мотале правит Бескровный Монстр. Он простирает свои крепкие руки над огромными литейными цехами и заводами, чьи механизмы состоят из вложенных друг в друга колёс, цепей, прутьев и толстой железной проволоки. Зайдите и посмотрите, как из раскаленных железных масс формируются длинные прутья. Бескровный вращает раскалённый прут! Посмотрите, как ножницы врезаются в тяжелые металлические пластины; они режут их так тихо и мягко, словно это бумага. Там, где он бьёт молотом, от наковальни летят искры. Посмотрите, как он ломает толстые железные прутья; он разбивает их на части, словно это кусок сургуча. Длинные железные прутья гремят у ваших ног; железные пластины превращаются в стружку; перед вами вращается большое колесо, а над вашей головой тянется живая проволока — длинная, тяжёлая проволока! Слышатся стук и жужжание, и если вы оглянетесь на большой открытый двор, где стоят огромные перевернутые медные котлы, пароходы и локомотивы, то увидите, что Бескровный и там протягивает свой длинный, как сажень, палец и тянет паутину за собой. Всё вокруг живет своей жизнью; только человек стоит в оцепенении, не в силах пошевелиться. Пот сочится из кончиков пальцев; человек поворачивается, кланяется и не узнает себя от благоговения перед человеческой мыслью, у которой здесь железные руки. И всё же большой железный молот продолжает наносить тяжёлые удары: он словно говорит:

«Банко, банко! Много тысяч долларов! Банко, чистая прибыль! Банко! Банко! Услышь это, как слышал я; посмотри, как я видел!»

Пожилой джентльмен из Тролльхетты расхаживал взад и вперёд в глубоком раздумье; наклонялся и раскачивался из стороны в сторону; ползал на коленях и заглядывал головой в прогалы и между машинами, потому что он знал все так точно; он видел винт в двигателях, понимал их механизм и действие под водой — и вода сама собой градом потекла по его лбу. Он упал навзничь, без сознания, в мои объятия, иначе его бы затянуло в машину и раздавило; он посмотрел на меня и пожал мне руку.

— И все это происходит естественно! — сказал он, — Просто и понятно. Корабли плывут против ветра и против течения, поднимаются выше лесов и гор. Вода должна подниматься, пар должен приводить их в движение!

«Да», — сказал я.

«Да», — сказал он, и снова «да», со вздохом, который я тогда не понял; но спустя месяцы я понял это, и я сразу же перенесусь в то время, и мы снова окажемся в Тролльхетте.

Я приехал сюда осенью, по возвращении домой, и провёл несколько дней в этом величественном уголке природы, куда всё больше вторгается суетливая человеческая жизнь, постепенно превращая живописное место в промышленную зону. Тролльхетта должна выполнять свою работу: пилить брёвна, приводить в движение мельницы, ковать и разрушать. Одно здание вырастает рядом с другим, и через полвека здесь будет город. Но дело было не в этом. Как я уже сказал, я снова приехал сюда осенью. Я застал всё тот же шум и грохот, тот же гул, то же бурление в шлюзах, тех же болтливых мальчишек, которые провожали новых путешественников к Адскому водопаду, на остров с железным мостом и к постоялому двору. Я сидел здесь и листал книги, собранные за многие годы, в которых путешественники описывали свои впечатления от Тролльхетты, — почти всегда это было одно и то же изумление, выраженное на разных языках, но чаще всего на латыни: *veni, vidi, obstupui*.

Один из них написал:

«Я видел, как шедевр природы затмевает шедевр искусства»; другой не мог сказать, что именно он видел, а что именно он видел, он не мог сказать. Владелец шахты и промышленник, приверженец доктрины утилитаризма, написал: «С величайшим удовольствием наблюдаю за этой полезной для нас работой в Вэрмеланде, Тролльхетта».

Жена декана из Скании выразилась следующим образом. Она осталась в кругу семьи и лишь подписалась в книге отзывов, чтобы выразить свои чувства по поводу Тролльхетты.

«Да ниспошлет Господь удачу моему деверю, ибо он умён!»

Некоторые добавили остроумные комментарии к общим чувствам, но жемчужиной среди этих записей является стихотворение Тегнера, написанное им собственноручно в книге 28 июня 1804 года: «Гота пришла на танцы с гор Сесес и т. д.»

Я оторвал взгляд от книги и увидел перед собой того самого старика из Тролльхеттана, который как раз собирался уходить. Пока я бродил по окрестностям, доходя до самого берега Сильяна, он постоянно плавал по каналу, осматривал шлюзы и фабрики, изучал возможности использования пара и рассказывал о строящейся в Швеции железной дороге между Яльмарским и Венернским островами. Однако сам он никогда не видел железной дороги, и я описал ему эти протяжённые пути, которые иногда возвышаются, как крепостные стены, иногда — как высокие мосты, а иногда — как многокилометровые тоннели, прорубленные в скалах. Я также рассказал ему об Америке и Англии.

«В Лондоне завтракают, а в тот же день в Эдинбурге пьют чай.»

«Это я могу!» — сказал старик таким невозмутимым тоном, словно никто, кроме него, не мог этого сделать.

«Я тоже могу, — сказал я, — и я это делал.»

«А кто же вы тогда?» — спросил он.

«Обычный путешественник, — ответил я, — путешественник, который платит за проезд. А вы кто такой?»

Мужчина вздохнул.

«Вы меня не знаете: моё время прошло, я больше ничего не могу! Бескровный сильнее меня!» — и он исчез. Тогда я понял, кто это был. Ну, и в каком же настроении должен быть бедный горный дух, который появляется раз в сто лет, чтобы посмотреть, как идут дела на земле! Это был горный дух, и никто иной, потому что в наше время каждый разумный человек стал значительно мудрее. И я с некоторой гордостью смотрел на нынешнее поколение, на бурлящее, стремительное, кружащееся колесо, на тяжёлые удары молота, на ножницы, которые так легко режут металлические пластины, на толстые железные прутья, которые ломаются, как сургучные печати, и на музыку, под которую бьётся сердце: «Банко, Банко, сто тысяч Банко!» — и всё это благодаря пару, благодаря разуму и духу. Был вечер. Я стоял на возвышенности у старых шлюзов Тролльхеттана и смотрел, как корабли с расправленными парусами, словно призраки, большие и белые, скользят по лугам.

Шлюзы открылись с тяжёлым грохотом, похожим на тот, что издавали медные ворота тайного совета в Германии. Вечер был таким тихим, что шум водопада Тролльхеттен был слышен в этой глубокой тишине, словно хор из сотни водяных мельниц, издающих один и тот же звук. Однако в одном из них раздался особенно мощный грохот, который, казалось, сотрясал саму землю. И всё же, несмотря на это, ощущалась бесконечное молчание Природы. Внезапно из-за деревьев в глубине леса вылетела большая птица и полетела вниз, к водопаду. Была ли это горная фея?

Давайте представим, что да, ведь это самая интересная фантазия.

Птица Феникс

В райском саду, под Древом Познания, росла живая изгородь из роз. В первой розе вылилась птица. Её полет был подобен полету света, ее оперение было прекрасным, а пение — великолепным. Но когда Ева сорвала плод познания, когда их с Адамом изгнали из райского сада, искра от пылающего меча ангела-мстителя упала в гнездо птицы и подожгла его. Птица погибла в огне, но из красного яйца вылетела новая птица — единственная, неповторимая птица Феникс.

Легенда гласит, что птица Феникс обитает в Аравии, что раз в сто лет она сгорает в своём гнезде и что из красного яйца вылетает новый Феникс, единственный в мире. Птица кружит вокруг нас, стремительная, как свет, прекрасная в своём неземном оперении, восхитительная в своём дивном пении. Когда мать сидит у колыбели ребёнка, птица Феникс парит у изголовья, и её крылья окутывают головку младенца ярким сиянием. Она пролетает через комнату, наполненную покоем, и в ней царит солнечный свет, а бедный комод благоухает фиалками. Но птица Феникс обитает не только в Аравии: она порхает в лучах северного сияния над ледяными равнинами Лапландии, скачет среди жёлтых цветов во время короткого лета в Гренландии. Под медными скалами Фалуна, в английских угольных шахтах, она порхает, как мотылёк, над сборником гимнов в руках благочестивого рабочего. Она плывёт на листе лотоса по священным водам Ганга, и при виде её у индийской девушки загораются глаза. Птица Феникс! Разве ты не знаешь ее? Райская птица, священный лебедь поэзии! Она восседала на колеснице Фесписа, словно каркающий ворон, и хлопала своими чёрными, испачканными в золе крыльями; над исландской арфой менестрелей скользил алый клюв лебедя. Она сидела на плече Шекспира, как ворон Одина, и шептала ему на ухо: «Бессмертие, о, Бессмертие!»

Она прилетала на состязание менестрелей в рыцарские чертоги Варцбурга. Птица Феникс! Разве ты не знаешь её? Она пела для тебя «Марсельезу», и ты целовал перо, выпавшее из её радужного крыла; она явилась в сиянии рая, а ты, быть может, отвернулся к какому-нибудь бедному воробью, у которого на крыльях была лишь мишура. Райская птица! Возрождающаяся каждое столетие, рождённая в пламени, почившая в пламени; твой золотой образ висит в гостиных богачей, хотя ты часто сбиваешься с пути и летишь в одиночестве. «Птица Феникс в Аравии» — всего лишь легенда. В райском саду, когда ты была зачата под Древом Познания, в первой розе, Господь наш поцеловал тебя и дал тебе имя — Поэзия.

Киннакулла

Киннакулла, висячие сады Швеции! Мы посетим вас! Мы стоим на нижней террасе, утопающей в цветах и зелени; старинная деревенская церковь наклоняет свою серую остроконечную деревянную башню, как будто вот-вот упадёт; это производит эффект на пейзаж: нас бы даже не было без этой большой стаи птиц, которые как раз сейчас взмывают в воздух над городом, направляясь в заповедный горный лес. Главная дорога ведёт в гору, с обеих сторон окруженная невысокими изгородями, между которыми мы видны обширные равнины с хмелем, дикими розами, кукурузными полями и восхитительными буковыми лесами, которых нет ни в одном другом уголке Швеции. Плющ обвивает старые деревья и камни — даже на иссохших стволах растут зелёные листья. Мы смотрим на плоскую, протяжённую лесистую равнину, на залитую Солнцем церковную башню Маристада, которая сияет, как белый парус, на тёмно-зелёном море: мы смотрим на озеро Венерн, но не видим его дальнего берега. Утёсы Сьяргардена, увенчанные деревьями, словно венок, ложатся в озеро; причаливает пароход — смотрите! внизу, у обрыва, под особняками с красными крышами, где в саду растут буки и грецкие орехи. Путешественники высаживаются на берег и бредут под тенистыми деревьями через красивый светло-зелёный луг, окруженный садами и лесами. Ни в одном английском парке нет такой пышной зелени, как на лугах близ Хеллекиса. Деревья поднимаются к «гrotтам», как они называют выступающие глыбы красного камня, которые, перемешанные с окаменелостями, возвышаются над склоном и напоминают разрушающиеся колоссальные гробницы римской Кампаньи. Некоторые из них гладкие и округлые из-за воздействия воды, на других лежит вековой мох, растут трава и цветы, а кое-где возносят кроны высокие деревья.

Путешественники сворачивают с лесной тропы на вершину Киннакуллы, где установлен камень, символизирующий цель их странствий. Путешественник читает в путеводителе о горных породах, из которых сложена Киннакулла:

«Внизу залегает песчаник, затем — кварцевый камень, затем — известняк, над ним — красный песчаник, ещё выше — сланец и, наконец, траппы».

Осмотрев всё это, путник спускается вниз и возвращается на корабль. Он видел Киннакуллу: да, эта каменистая скала, возвышающаяся среди пышной зелени, показала ему свой тяжёлый, массивный каменный палец, и большинство путешественников считают, что если ухватиться за этот палец, то можно добраться и до всего тела, как в случае с дьяволом, — но это не всегда так.

Наименее посещаемая часть Киннакуллы — самая живописная, и именно туда мы направимся. Дорога по-прежнему ведёт нас по этой стороне горы, ступенька за ступенькой спускаясь по длинным террасам, занятыми плодородными полями. Ниже слои сланца чередуются с зелёными мшистыми участками, похожими на проплешины на зелёном бархатном ковре. Шоссе проходит по местности, где сланец лежит ровным слоем, как твёрдый пол. В римской Кампанье это можно было бы назвать частью Аппиевой дороги, но здесь мы проезжаем по голой земле и скалам Киннакуллы. Крестьянский дом сложен из больших сланцевых камней, ими же покрыта крыша. Из дерева здесь только дверь и большой расписной щит над ней, на котором указано, к какому полку принадлежал солдат, получивший этот дом и участок земли в качестве платы за службу.

Мы бросаем ещё один взгляд на Венерн, на старый дворец в Локё, на город Лендкёбинг и снова оказываемся среди зелёных полей и величественных деревьев, которые отбрасывают тень на Бломберг, где в саду дух поэта Гейера ищет цветок Киннакуллы для своей внучки, маленькой Анны. За Киннакуллой простирается равнина, уходящая вдаль, к горизонту. На небе сгущаются тучи, ветер усиливается: смотрите, как дождь опускается на землю, словно тёмная завеса. Ветви деревьев хлещут друг друга, словно раскаивающиеся дриады.

Неподалёку от нас, вон там, стоит старая церковь Хусабю, хотя дождь хлещет по высоким стенам старого дворца католического епископа, которые остались нетронутыми. Вороны и грачи влетают в высокие окна без стёкол, которые со временем стали ещё больше; дождь стекает по щелям в старых серых стенах, словно они вот-вот рассыплются на куски. Но церковь стоит — старая церковь Хусабю, такая серая и почтенная, с толстыми стенами, маленькими окнами и тремя шпилями, которые жмутся друг к другу, словно орехи в грозди. Старые деревья на церковном дворе отбрасывают тень на древние могилы. Где же местный «старожил», который пропалывает траву и рассказывает о старинных надгробиях? Здесь лежат большие гранитные плиты в форме гробов, украшенные грубой резьбой времен католицизма. Старая церковная дверь скрипит на петлях. Мы стоим в этих стенах, где сводчатый потолок веками наполнялся ароматом ладана, звуками пения монахов и хористов. Теперь здесь тихо и безмолвно: старики в монашеских рясах давно в могиле, цветущие юноши, размахивавшие кадилом, тоже в могиле, прихожане — многие поколения — все в могиле, но церковь стоит по-прежнему.

Изъеденные молью, пыльные монашеские капюшоны и епископские мантии времен монастыря висят в старых дубовых шкафах, а на полках в ризнице разбросаны полусъеденные крысами старинные рукописи. В левом приделе церкви до сих пор стоит резное деревянное изображение, раскрашенное яркими красками, которые до сих пор не потускнели: это Дева Мария с младенцем Иисусом. Её голова и голова ребёнка овиты венками из свежих цветов, пьедестал увит благоухающими гирляндами, как во времена папства, в праздник дня рождения Мадонны. Молодые люди, прошедшие конфирмацию, в этот день, впервые причастившись, украсили этот старинный образ — более того, выложили цветами на алтаре имя священника, и он, к нашему удивлению, оставил их там. Благодаря свежим венкам образ Мадонны словно помолодел: благоухающие цветы обладают силой, сравнимой с силой поэзии, — они возвращают нас из прошлого в наше время. Кажется, что угасшая слава вокруг головы Мадонны вновь засияла; цветы источают аромат, словно в церковных проходах вновь разливается запах ладана; вокруг алтаря разливается сияние, словно зажгли освященные свечи; это солнечный луч, проникающий в окно, оживляет давно почившее.

Небо прояснилось, и мы снова проезжаем под Клевенами, по бесплодной стороне Киннакуллы. Это скалистая стена, не похожая почти ни на одну другую. Красные каменные блоки лежат друг на друге, образуя укрепления с амбразурами, выступающими крыльями и круглыми башнями. Но они покосились, потрескались и превратились в руины — это причудливая архитектурная причуда Природы. С одной из самых высоких точек Клевена низвергается бурный поток, приводящий в движение небольшую мельницу. Она похожа на игрушку, которую горный дух поставил здесь и после игры забыл. Вокруг разбросаны большие глыбы упавших каменных блоков, Природа сложила их в виде резных карнизов. Самый подходящий способ описать скальную стену Киннакуллы — назвать её руинами индуистского храма длиной в милю. Эти скалы можно было бы легко превратить с помощью молота в священные места, подобные горам Гаут в Элларе. Если бы брамин пришёл к скальной стене Киннакуллы, он узнал бы храм Кайласа и увидел бы в расщелинах и трещинах целые сцены из «Рамаяны» и «Махабхараты». Если бы кто-то заговорил с ним на тарабарском наречии — неважно, на каком именно, но с помощью «Разговорного лексикона» Брокгауза можно было бы вплести в речь названия некоторых индийских зрелищ: Сакантала, Викрамеривати, Уттарама Рамачхеритрам и т. д., — брахман был бы совершенно сбит с толку и записал бы в свой блокнот: «Киннакула — это остатки храма, как те, что есть у нас в Элларе. Сами жители знают важнейшие произведения нашей древнейшей санскритской литературы и говорят о них с величайшим благоговением». Но ни один брахман не подходит к высоким скалистым стенам, не говоря уже о пассажирах парохода, которые уже далеко отплыли от озера Венерн. Они видели увенчанную лесом Киннакулу, висячие сады Швеции, — и мы тоже их увидели.

Бабушка

Бабушка такая старая, у неё столько морщин, а волосы совсем седые; но её глаза! Они сияют, как две звезды, нет, даже ярче — в них столько доброты, в них так приятно смотреть. А ещё она знает столько забавных историй, и на ней платье с огромными-преогромными цветами из такого плотного шёлка, что оно даже шуршит. Бабушка так много знает, ведь она жила задолго до папы и мамы — это точно. У бабушки есть псалтырь с толстыми серебряными застёжками, и она часто читает из этой книги. В середине лежит роза, совсем плоская и сухая; она не такая красивая, как розы у неё в вазе, но бабушка всё равно ласково улыбается ей, и у неё даже слёзы наворачиваются на глаза! Почему бабушка так смотрит на увядший цветок в старой книге? Знаете почему? Всякий раз, когда бабушкины слезы падают на увядший цветок, краски становятся ярче; роза распускается, и вся комната наполняется благоуханием; стены растворяются, словно туман, а вокруг — зелень, восхитительная роща, где Солнце пробивается сквозь листву. И бабушка — да, теперь она совсем молода; она красивая девушка с золотистыми волосами, с румяными щёчками, прелестная и очаровательная, — нет розы свежее, чем она. Но глаза, кроткие, счастливые глаза — да, они по-прежнему бабушкины! Рядом с ней сидит мужчина, молодой и сильный; он дарит ей розу, и она улыбается. Но бабушка не улыбается в ответ, — да, улыбка появляется, а он уходит. Мимо проносятся мысли и образы!

Красивый мужчина ушёл; роза лежит в псалтыре, а бабушка — да, она снова сидит, как старуха, и смотрит на увядшую розу, лежащую в книге.

Теперь уже бабушка умерла! Она сидела в кресле и рассказывала длинную-предлинную, трогательную историю.

«Вот и все, — сказала она, — я совсем выбилась из сил, дайте мне немного поспать!» И она откинула голову на спинку кресла. Она вздохнула, она уснула, но вокруг становилось все тише и тише; её лицо было таким умиротворенным и счастливым, словно на него падали солнечные лучи. Она улыбнулась, и тогда все поняли, что она умерла. Её положили в чёрный гроб, завернули в белую льняную ткань: она была так хороша собой, но глаза её были закрыты, а все морщины разгладились. Она лежала с улыбкой на губах, её серебристо-белые волосы были такими благородными, что на неё совсем не страшно было смотреть, потому что это была милая, добрая бабушка. В гроб под её голову положили псалтырь (она сама так велела), а в старую книгу — розу, и потом бабушку похоронили. На могиле, прямо у церковной стены, посадили розовый куст, и он весь покрылся розами, и соловей пел над ним, а орган в церкви играл самые прекрасные псалмы из тех, что лежали в книге под головой покойной. Луна светила прямо на могилу, но покойницы там не было: любой ребенок мог спокойно прийти ночью и сорвать розу у церковной стены. Мёртвые знают больше, чем все мы, живые, — мёртвые знают, какой благоговейный трепет мы должны испытывать перед чем-то столь странным, как их приход к нам. Мёртвые лучше всех нас, и поэтому они не приходят. Над гробом земля, внутри гроба земля; псалтырь с её страницами — прах, роза со всеми своими воспоминаниями обратилась в прах. Но над ней цветут новые розы, над ней поёт соловей, играет орган — мы думаем о старой бабушке с кроткими, вечно юными глазами. Глаза никогда не умирают! Наши глаза ещё увидят её молодой и прекрасной, такой, какой она была, когда впервые поцеловала свежую красную розу, которая теперь лежит в могиле и превратилась в прах.

Тюремные застенки

«Преступник должен быть наказан и исправлен путём изоляции от других людей, и пребывать в одиночном заключении, в полной тишине».

Для этого и были придуманы тюремные камеры. В Швеции их было несколько, и были построены новые. Я впервые посетил одну из них в Мариестаде. Это здание расположено недалеко от города, у ручья, в живописном месте. Оно напоминает большую летнюю резиденцию, побеленную известью, с множеством окон. Но вскоре мы обнаруживаем, что здесь царит могильная тишина. Как будто здесь никто не живёт, как в заброшенном особняке во время чумы. Ворота в стене заперты, лишь одни из них открываются перед нами. Тюремщик стоит с ключами на поясе. Двор пуст, но чист — даже трава между каменными плитами выполота. Мы входим в приёмную, где принимают заключенного. Нам показывают душевую, куда его приводят в первую очередь. Поднявшись по лестнице, мы оказываемся в большом зале, занимающем всю длину и ширину здания. Вдоль этажей тянутся галереи, в одной из них стоит кафедра священника, с которой он по воскресеньям проповедует невидимой пастве. Все двери, выходящие на галерею, приоткрыты: заключенные слышат священника, но не видят его, а он не видит их. Всё это — хорошо отлаженный механизм, суший кошмар для души. В двери каждой камеры вставлено стекло размером с глазное яблоко. Оно прикрыто заслонкой, и тюремщик может незаметно для заключённого видеть всё, что тот делает. Но он должен подходить тихо и бесшумно, потому что одиночество обостряет слух заключённого. Я осторожно повернул задвижку и заглянул в закрытое пространство, где сразу же встретился взглядом с заключённой.

В камере просторно, чисто и светло, но окно расположено так высоко, что выглянуть в него невозможно. Вся обстановка состоит из высокого табурета, привинченного к подобию стола, и гамака, который подвешивается на крюках под потолком и накрывается одеялом. Нам открыли несколько камер. В одной из них сидела молодая и очень красивая девушка. Она лежала в гамаке, но, как только дверь открылась, вскочила и первым делом спустила гамак на пол и свернула его. На маленьком столике стоял кувшин с водой, рядом лежали остатки овсяного печенья, а также Библия и псалтырь.

В соседней камере сидела детоубийца. Я видел её только через маленькое окошко в двери. Она слышала наши шаги, слышала, как мы разговариваем, но сидела неподвижно, вжавшись в угол у двери, словно хотела спрятаться. Её спина была согнута, голова почти касалась колен, а руки были сложены на груди. Мне сказали, что это несчастное создание было совсем юным. З

десь, в двух разных камерах, сидели два брата: их наказали за конокрадство, один из них был ещё совсем мальчишкой. В одной из камер была бедная служанка. Мне сказали: «Ей некуда податься, у неё нет работы, поэтому её и поместили сюда». Я подумал, что ослышался, и повторил свой вопрос: «Почему она здесь?» — но получил тот же ответ. И все же я предпочёл бы думать, что неправильно понял сказанное, — иначе это было бы просто отвратительно. Снаружи, на ярком Солнце, кипит жизнь, а здесь всегда царит полуночная тишина. Паук, плетущий паутину на стене, ласточка, которая, возможно, пролетает совсем близко под высокими оконными рамами, и даже шаги незнакомца в галерее, когда он проходит мимо дверей камер, — все это события в той безмолвной, уединённой жизни, где мысли заключённых сосредоточены на самих себе. Нужно читать о тюрьмах инквизиции, набитых мучениками, о толпах людей, закованных в кандалы в Бани, о жарких свинцовых камерах в Венеции и о чёрных сырых колодцах — эти картины страданий должны потрясти нас до глубины души, чтобы мы могли с более спокойным сердцем пройти по галерее тюремных камер. Здесь есть свет, здесь есть воздух — здесь более гуманно. Там, где на узника падает мягкий солнечный луч, туда же проникает и свет Божий.

Мальчишки-попрошайки

Художник Калло, который, по крайней мере, не слышал выражения «в стиле Калло» от Гофмана, написал несколько превосходных картин с изображением итальянских нищих. На одной из них изображён парень, на котором одна тряпка хлещет по другой: он несёт свой огромный тюк и большой флаг с надписью «Capitano de Baroni». Трудно представить, что в действительности можно встретить такого бродячего торговца тряпьем, и мы должны признаться, что в самой Италии мы таких не видели, потому что тамошние мальчишки-попрошайки, чья одежда зачастую состоит только из жилета, не имеют возможности носить такие лохмотья. Но мы видим их на Севере.

У дороги, идущей вдоль канала между Венерном и Вигеном, на голой, сухой каменистой равнине, словно чертополох в этом бедном пейзаже, стояли два мальчика-попрошайки, такие оборванные, такие грязные, что мы подумали, будто перед нами оригиналы картин Калло или что это дело рук каких-то предприимчивых родителей, которые хотели привлечь внимание и вызвать сочувствие у путешественников. В природе такого не бывает: лохмотья так дерзко свисали с них, что каждый из мальчишек мгновенно превращался в Capitano de Baroni. На младшем из них было что-то, что, несомненно, когда-то было пиджаком очень тучного мужчины, поскольку доходило мальчику почти до лодыжек; все это держалось на обрывке рукава и единственной застёжке, сделанной из шва того, что теперь было остатком подкладки. Было очень трудно разглядеть переход от куртки к брюкам, так сильно тряпки налипали друг на друга. Вся одежда была устроена так, чтобы пропускать воздух: со всех сторон и по краям были дырки для вентиляции; жёлтая льняная повязка, прикрепленная к низу, как будто означала рубашку. Очень большая соломенная шляпа, которую, несомненно, несколько раз надевали на голову, была надвинута набок и позволяла жёстким льняным волосам мальчика свободно расти через отверстие там, где должна была быть тулья: обнаженное коричневое плечо и верхняя часть руки, которая была такой же коричневой, были самыми красивыми из всех. На другом мальчике были только брюки. Они тоже были рваными, но тряпки были крепко привязаны к карманам с помощью выючных ниток: одна веревочка была обмотана вокруг лодыжек, другая — под коленом, а третья — вокруг талии. Однако он сохранил то, что имел, а это всегда достойно уважения.

«Убирайся!» — крикнул капитан с корабля, и мальчик в перевязанных лохмотьях обернулся, и мы — да, мы не увидели ничего, кроме верёвок, завязанных бантиками, изящных бантиков. Прикрыта была только передняя часть мальчика: на нём были только передние части штанов, а все остальное — веревки, голые, неприкрытые верёвки.

Вадстене

В Швеции не только в сельской местности, но даже в некоторых провинциальных городах можно увидеть целые дома, крытые дерном, а некоторые из них настолько низкие, что можно легко запрыгнуть на крышу и усесться на свежую зелёную траву. Ранней весной, когда поля ещё покрыты снегом, но он уже растаял на крышах, они становятся первым предвестником весны, как молодая пробивающаяся трава, на которой щебечет воробей: «Весна пришла!» Между Муталой и Вадстене, недалеко от большой дороги, стоит дом, крытый дёрном, — один из самых живописных в округе. В доме всего одно окно, оно шире, чем в высоту, а снаружи его занавешивает ветка дикой розы. Мы видим его весной. Крыша покрыта такой восхитительно свежей травой, что кажется бархатной, а рядом с ней — печная труба, и даже вишнёвое дерево, на котором сейчас много цветов. Ветер стряхивает листья на маленького ягненка, привязанного к трубе. Это единственный ягнёнок в семье. Хозяйка, которая здесь живёт, сама утром поднимает его на место, а вечером спускает вниз, чтобы он мог порезвиться в комнате. Крыша может выдержать только этого ягненка, не больше — это точно известно. Прошлой осенью — в это время травяные крыши покрываются цветами, в основном синими и жёлтыми, цветами Швеции, — здесь расцвёл редкий цветок. Он привлёк внимание старого профессора, который проезжал мимо во время своего ботанического путешествия. Профессор быстро взобрался на крышу, и так же быстро одна его нога в сапоге провалилась в дыру, за ней последовала вторая, а потом и половина самого профессора — та часть, где нет головы. А поскольку в доме не было потолка, его ноги зависли прямо над головой старушки, почти касаясь её. Но теперь крыша снова цела; там, где провалилось знание, растёт свежая трава; там блеет ягненок, а внизу, в низком дверном проеме, стоит старушка, сложив руки на груди и улыбаясь. Она полна воспоминаний, легенд и песен, полна своим единственным ягненком, на которого вишневое дерево осыпает свои цветы под тёплыми лучами весеннего Солнца.

На заднем плане этой картины виднеется Веттерн — бездонное озеро, как считают местные жители, — с его прозрачной водой, волнами, похожими на морские, и «Хегринг», или фата-морганой, которая появляется на его стальной глади в безветренную погоду. Мы видим дворец и город Вадстены, «город мёртвых», как назвал его один шведский писатель, — шведский Геркуланум, город воспоминаний. Дом, крытый дерном, должен быть нашей шкатулкой, из которой мы видим, как перед нами проплывают богатые дары — воспоминания из житий святых, хроник королей и любовных песен, которые до сих пор живы в памяти старой дамы, стоящей в своем низком доме, где ягнёнок щиплет траву на крыше. Мы слышим её и видим её глазами; мы идём от дома, крытого дерном, в город, к другим домам, крытым дёрном, где бедные женщины плетут кружева, которыми когда-то славились богатые монахини в те времена, когда монастырь процветал.

Как тихи, пустынно и поросли травой эти улицы! Мы останавливаемся у старой стены, позеленевшей от вековой сырости. За ней когда-то стоял монастырь, от которого теперь осталось лишь одно крыло. Там, в этом ныне заброшенном саду, до сих пор растёт лук святого Бригитта, а когда-то там цвели цветы. Король Иоанн и аббатиса Ана Гилте как-то раз прогуливались там вечером, и король лукаво спросил: «Неужели девы в монастыре никогда не поддавались соблазнам любви?»

Аббатиса ответила, указав на пролетающую над ними птицу: «Всякое бывает!» Нельзя запретить птице летать над садом, но можно помешать ей свить там гнездо!» Так думала благочестивая аббатиса, и были сёстры, которые думали и поступали так же. Но в том же саду росла груша, которую называли деревом смерти. Легенда гласит, что тот, кто приблизится к ней и сорвёт плод, вскоре умрет. Красные и жёлтые груши клонили ветви к земле. Ствол был необычайно толстым, вокруг него росла высокая трава, и по утрам её часто приминало. Кто

приходил сюда ночью? Однажды вечером с озера налетела буря, и на следующее утро огромное дерево было повалено. Ствол треснул, и из него выкатились детские косточки — белые косточки убитых детей блестели в траве. Благочестивая, но влюбленная сестра Ингрид, эта вадстенская Элоиза, пишет своему возлюбленному Акселю Нильсуну — хроники сохранили для нас это послание:

«Братья и сёстры играют в мяч, пьют вино и танцуют друг с другом в саду!» (Братья и сестры развлекаются, играя, пьют вино и танцуют друг с другом в саду). Эти слова могут пролить свет на историю грушёвого дерева: невольно вспоминаются оргии призрачных монахинь из «Роберта-Дьявола», дочерей греха на освященной земле. Но «не судите, да не судимы будете», — сказал чистейший и благороднейший из людей, рожденных женщиной. Мы прочтём письмо сестры Ингрид, тайно отправленное тому, кого она искренне любила. В нём заключена история многих людей, понятная и близкая нам:

«Я не могу жить без тебя, я чувствую, что не могу молиться Аве Марией или читать «Отче наш», если тебя нет рядом. Да, я чувствую, что не могу молиться без твоего нежного взгляда и нежных объятий. Мне кажется, я не могу не думать о том, что, если я нарушу обет, меня покарает Господь, святая Мария, святая Бригитта и небесные ангелы. Но ты знаешь, любовь моя, что я никогда не соглашался с этими правилами по доброй воле. Мои родители, конечно, заточили моё тело в эту темницу, но сердце не может так быстро отвыкнуть от мира. (Я не смею признаться никому, кроме тебя, что не могу прочесть ни «Аве Мария», ни «Отче наш», не вспомнив о тебе. Нет, даже во время самой мессы перед моим мысленным взором предстает твоё милое лицо, и я вспоминаю о нашей нежной близости. Мне кажется, что я не могу признаться в этом ни одному другому человеку — Дева Мария, святая Бригитта и всё воинство небесное, возможно, накажут меня за это. Но ты знаешь, любовь моя, что я никогда не соглашался с этими правилами по доброй воле. Мои родители, конечно, заточили моё тело в эту темницу, но сердце не может так быстро отвыкнуть от мира). Как трогательно отчаяние юных сердец! Оно открывается нам на заплесневелом пергаменте, оно звучит в старинных песнях. Попроси седовласую старушку в травяном домике спеть тебе о юной, о тяжком горе, об ангеле-спасителе — и ангел явился во множестве обличий. Ты услышишь песню о грабеже в монастыре; о господине Карле, который был при смерти; о том, как юная монахиня вошла в покойничью, села у его ног и прошептала, что искренне любила его, а рыцарь поднялся с погребального ложа и увёз её в Копенгаген, где они поженились и жили счастливо. И все монахини монастыря запели: «Господи, пусть придёт такой ангел и заберёт нас с тобой!»

Старуха споёт тебе и о прекрасной Огде, и об Олуфе Тисте; и вот уже монастырь вновь обретает былое величие, звенят колокола, вырастают каменные дома — они вырастают прямо из вод Веттерна: маленький городок наполняется церквями и башнями. Улицы заполняются важными, степенными, хорошо одетыми людьми. По ступеням ратуши спускается самый богатый житель Вадстены, купец Михаэль, с мечом на боку и в подбитом мехом плаще. Рядом с ним его юная, прекрасная дочь Агда, богато одетая и счастливая; юность в красоте, юность в помыслах. Все взгляды устремлены на богача, но все забывают о нём ради неё, такой прекрасной. Её ждут лучшие блага в жизни; её мысли устремлены ввысь, её разум жаждет свершений; её будущее — это счастье! Так думали многие, и среди них был тот, кто видел её так же, как Ромео видел Джульетту, как Адам видел Еву в райском саду. Этим человеком был Олуф, самый красивый юноша, но бедный, в то время как Агда была богата. И он должен был скрывать свою любовь; но так как он жил только ею, только он и знал о ней; поэтому он стал молчаливым и тихим, и спустя несколько месяцев горожане прозвали его Олуф Тайсте (Олуф Молчаливый).

Дни и ночи он боролся со своей любовью; дни и ночи он терпел невыразимые муки; но в конце концов — одной капли росы или одного солнечного луча было достаточно, чтобы распустилась распутившаяся роза, — он должен был признаться во всем Агде. Она выслушала его, пришла в ужас и убежала; но мысль осталась с ним, а за мыслью последовало и сердце,

и оно осталось с ним; она ответила ему взаимностью, искренне и горячо, но сдержанно и с достоинством; и потому бедный Олуф пришёл к богатому купцу просить руки его дочери. Но Микаэль запер дверь на засов и запер своё сердце. Он не желал слушать ни слёз, ни мольбы, а только то, что было у него на уме; и поскольку маленькая Агда тоже была непреклонна в своём решении, отец отправил её в монастырь Вадстена. И Олуфу пришлось подчиниться, как поётся в старинной песне, и они бросили» — — *den svarta MuldAlt öfver skön Agdas arm.*»

Она была мертва для него и для всего мира. Но однажды ночью, в ненастную погоду, когда лил дождь, Олуф Тайсте подошёл к монастырской стене, перекинул через неё веревочную лестницу, и, как бы высоко ни вздымались волны Веттерна, Олуф и маленькая Агда той осенней ночью уплыли по его бездонным глубинам. Рано утром монахини хватились маленькой Агды. Какой поднялся шум и гам — монастырь опозорен!

Настоятельница и купец Михаэль поклялись, что беглецы будут настигнуты и понесут наказание. Суровый епископ Линдчёпинга Ханс Браск предал их анафеме, но они уже переплыли Веттерн и добрались до берегов Венерна, до Киннакуллы, где жил один из друзей Олуфа, которому принадлежал чудесный Хеллекис. Там они должны были отпраздновать свадьбу. Были приглашены гости, и из соседней обители Хусабу прислали монаха, чтобы он их обвенчал. Затем прибыл гонец с отлучением от церкви, и его слова — но не брачный обряд — были зачитаны беглецам. Все в ужасе отвернулись от них. Хозяин дома, друг юности Олуфа, указал на открытую дверь и велел им немедленно уходить. Олуф попросил только дать ему повозку и лошадь, чтобы увезти измученную Агду, но в них полетели палки и камни, и Олуфу пришлось нести свою бедную невесту на руках далеко в лес. Тяжкими и горькими были их скитания. Но в конце концов они нашли пристанище в Гулдкрокене, в Западной Гёта-Гуннесс. Добрая пожилая пара приютила их и выделила место у очага. Они прожили там до Рождества, и в этот священный вечер устроили настоящий рождественский праздник. Пригласили гостей, накрыли стол, и тут пришёл приходской священник, чтобы прочесть молитву. Но, читая её, он узнал Олуфа и Агду, и молитва превратилась в проклятие в их адрес. Всех охватили тревога и ужас. Отлученных от церкви выгнали из дома на мороз, где бродили стаи волков и водились медведи. Олуф нарубил в лесу дров и развёл костер, чтобы отпугнуть хищников и согреть Агду — он думал, что она вот-вот умрёт. Но в тот момент она была сильнее его.

«Господь наш всемогущ и милостив, Он не оставит нас!» — сказала она, — На земле есть тот, кто может нас спасти, тот, кто, как и мы, знает, каково это — скитаться среди врагов и диких зверей. Это король — Густав Ваза! Он, как и мы, страдал! Заблудился в Далекарлии, в глубоком снегу! Он страдал, он прошёл через испытания, он знает, что такое жизнь, — он может и должен нам помочь!»

Король был в Вадстене. Он созвал туда представителей со всего королевства. Он жил в самой обители, там, где маленькая Агда, если король не помилует её, должна была понести наказание, о котором осмелилась заговорить разгневанная настоятельница: её ждали покаяние и мучительная смерть. Через леса и непроходимые тропы, сквозь бурю и снег Олуф и Агда добрались до Вадстены. Их видели: одни смотрели на них со страхом, другие оскорбляли и угрожали им. Монастырская стража перекрестилась, увидев двух грешников, которые осмелились просить аудиенции у короля.

И «Я выслушаю и приму всё!», — таков был его королевский ответ, и двое влюблённых, дрожа, упали к его ногам. Король благосклонно посмотрел на них. Он давно намеревался унижить гордого епископа Линдчёпингского, и момент для этого был подходящий. Король выслушал рассказ о жизни и страданиях влюблённых и дал им слово, что отлучение от церкви будет снято. Затем он соединил их руки и сказал, что священник вскоре сделает то же самое, и пообещал им своё королевское покровительство и благосклонность. Старый купец Микаэль, боявшийся гнева короля, которым тот ему угрожал, стал таким кротким и смиренным, что, по приказу короля, не только распахнул двери своего дома перед Олуфом и Агдой, но и выста-

вил напоказ все свои богатства в день свадьбы молодых. Церемония бракосочетания прошла в монастырской церкви, куда король сам привёл невесту и где, по его приказу, должны были присутствовать все монахини, чтобы придать торжеству ещё больше церковной пышности. И многие в душе вспомнили старую песню о разграблении монастыря и посмотрели на Олуфа Тисте: «Крист, даруй нам хоть немного ангельского света, согрей и меня, и тебя!»

Теперь Солнце светит сквозь открытые монастырские ворота. Пусть истина озарит наши сердца; пусть и мы признаем, что монастырь причастен к Божьему промыслу. Не каждая келья была тюрьмой, где пленённая птица в отчаянии билась о стекло; иногда в сердце и разуме монахов сиял Божий свет, и тогда они ощущали утешение и благословение. Если бы мёртвые могли восстать из могил, они бы свидетельствовали об этом: если бы мы увидели, как они в лунном свете поднимают надгробие и идут к монастырю, они бы сказали: «Да будут благословенны эти стены!» Если бы мы увидели, как они парят в солнечном свете, окутанные радужным сиянием, они бы сказали: «Да будут благословенны эти стены!» Как изменился богатый и могущественный монастырь Вадстены, где первые дочери страны становились монахинями, а молодые дворяне носили монашеские капюшоны. Сюда совершали паломничество из Италии и Испании, из далеких стран, где в снег и холод паломники босиком подходили к воротам монастыря. Благочестивые мужчины и женщины несли на руках тело святой Бригитты из Рима, и все церковные колокола во всех землях и городах, через которые они проходили, звонили в их честь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.